

ИНТЕРВЬЮ

УДК 330.3; 378

ИНТЕРВЬЮ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ, МАРКСИЗМЕ И ОБРАЗОВАНИИ

С.Д. Валентей

Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия

svalentey@ya.ru

В своем интервью проф. С.Д. Валентей говорит о важности и непреходящей актуальности марксизма как научного направления, о потере нашей марксистской школы и о связанных с этим проблемах в экономической науке и экономическом образовании. Дается развернутая характеристика псевдомарксизма, или вулгарного марксизма, показывается, что что экономические воззрения реформаторов 1990-х годов основываются на столь же примитивно понятых теориях западного экономического мейнстрима. Во многом по этой причине прошедшие 30 лет – один из самых трагичных периодов в истории отечественной науки и образования. Выход из ситуации один: возврат науки в образование. Главное условие экономического роста в III тысячелетии – это развитие науки и образования, рост и развитие человеческого капитала. Но бюрократия часто не склонна прислушиваться к экспертам.

Характеризуется специфика российского капитализма. Речь также идет о псевдообразовании и вуза-продавцах дипломов. Обосновывается необходимость прихода к управлению нового поколения экономистов, свободных от неолиберальных и других штампов.

Ключевые слова: экономическое образование, экономика как наука и практика, человеческий капитал, марксизм, псевдомарксизм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-161-173

Олег Альбертович Донских (далее **О.Д.**). Сегодня 28 марта 2016 года, мы разговариваем с Сергеем Дмитриевичем Валентеем, научным руководителем Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Сергей Дмитриевич, Плехановский университет – это ведущий экономический вуз страны. Какие принци-

пы вы кладете в основу формирования программы обучения?

Сергей Дмитриевич Валентей (далее **С.В.**) Это не мой вопрос, поскольку моя сфера ответственности – организация научных исследований.

О.Д. Я имею в виду ведь не педагогические вещи, а направление. В свое время

были ясные программы – марксистская политэкономия.

С.В. Марксизм-ленинизм, а если быть совсем точным, то в абсолютном большинстве вузов это был «вульгарный марксизм», преподававшийся по подобию «Краткого курса ...» И.В. Сталина. Мы называли учебники, 200-300 страниц которых подавались как все, что можно сказать о политической экономии, «учебниками для домохозяек».

О.Д. Но ситуация изменилась после перестройки, появилась возможность обсуждать и преподавать какие-то новые теории. Я имею в виду общее направление.

С.В. Ситуация мало изменилась. Начну с того, что очень многие из тех, кто начал рулить экономикой после распада СССР, в преобладающей своей части были «технарями», вооруженными курсом молодого экономического бойца, о котором я только что говорил. Эти жертвы экономического всеобуча, по причине своей экономической малограмотности, искренне полагали, что «рынок все регулирует». Что же до преподавания, то первым «светочем» зарубежной экономической мысли стал Экономикс, – такой же по уровню учебник для домохозяек, как и советские. Возможно, поэтому он так быстро прижился в России: подобное тянется к подобному.

Так что вульгарный марксизм не только жил, но и жив, правда, уже не на социалистической, а на капиталистической «подкладке». Во многом по этой причине прошедшие 30 лет, – один из самых трагичных периодов в истории отечественной науки и образования. Исповедуя примитивное, упрощенное мировоззрение, сжигали то,

чему поклонялись, продолжая поклоняться тому, что сжигали. И это касается не только учебников. Резко снизился уровень научных публикаций по экономике, философии, истории и пр.

Критики Маркса, например, постоянно обращаются к его тезису о революции, как условия перехода от капитализма к социализму. Отвлекаясь от того, что некоторые из них явно не продвинулись дальше ознакомления с оглавлениями его работ, хотел бы сказать, что, по Марксу, смена одной общественной формации другой происходит тогда, когда достигнут адекватный этому уровень обобществления. Поэтому обобществление национализацией не заменить. Кстати, основываясь в том числе на этом базовом постулате марксизма, Г.В. Плеханов доказывал, что революция для России вредна.

Во-вторых, свое видение закономерностей развития системы социально-экономических отношений Маркс, как известно, считал справедливым только для стран Западной Европы. Поэтому в провале попытки «осчастливить» население СССР и все человечество виновны те, кто не так прочитал его работы.

В-третьих, критикующие Маркса российские реформаторы в практической политике почему-то действуют в полном соответствии с его представлениями о системе интересов «дикого», как сейчас принято говорить, капитализма. Но коль скоро так, порекомендую поучиться у Сталина, который, прекрасно понимая экономический смысл процесса первоначального накопления капитала – разорение деревни для нужд развития промышленности – беспощадно применял его на практике. В итоге к началу войны страна практиче-

ски полностью обеспечивала себя продукцией машиностроения. Правда, какой ценой (помните знаменитую фразу Томаса Мора: «Овцы съели людей»)?! Но коль скоро мы говорим о цене, закономерен вопрос: можно ли отнести форму накопления капитала в России к первоначальному накоплению, «работающему» на укрепление национальной экономики? Или правильнее говорить о накоплении капиталов личных?

В-четвертых, многие направления современной научной и общественной мысли выросли из марксизма. Наиболее яркий пример здесь – социал-демократия.

К. Маркс и Ф. Энгельс жили в XIX веке. В третьем тысячелетии другая система социально-экономических отношений. Но люди те же. Поэтому знание основ марксизма весьма полезно. Не нужно становиться марксистом, нужно стремиться быть профессионалом, поскольку исповедование единственной научной религии, – признак научного бескультурья и ограниченности. В личной жизни это терпимо. При управлении экономикой – фатально. Для экономики.

О.Д. Но, ведь, наряду с марксистской школой, в экономике есть кейнсианство, есть австрийская школа и т. д.

С.В. Конечно! Но марксизм более синтетичен. Я, например, опираясь на главу Капитала о фиктивном капитале, могу доказать, почему произошел кризис 2008 года. Начну с того, что устойчивость национальной валюты определяет ее обеспеченность материальными составляющими общественного богатства (производственные фонды, здания и т. п.). Со второй половины XX века одной из главных составляющих этого богатства стал

человеческий капитал – знания и навыки работников. За эти знания, точнее за их применение, им и платят. Если платят адекватно произведенному продукту, экономика процветает. Если переплачивают, происходит превышение суммы цен товаров над суммой их стоимостей. Это и произошло в США в результате завышенной цены человеческого капитала. В итоге средний класс получал больше, чем «стоил» его совокупный человеческий капитал. Значит, богатство, которое реально им создавалось, было меньше оплаченного, что, однако, не мешало банкам выдавать кредиты, под это необеспеченное богатство. Дальше все пошло в соответствии с марксовым взглядом на изъяны рынка: если денег и ценных бумаг (т. е. фиктивного капитала) выпускается больше, чем объем обеспечивающего их реального богатства, экономика рухнет. Вот и все. Марксистская политэкономия.

Поэтому знакомясь с теоретическими «успехами» представителей мейнстрима, я все более склонен признать справедливость утверждения, что марксизм – это не мертвый лев, а единственное направление экономической теории, которое может претендовать на статус научной школы.

О.Д. А можно сказать, что есть экономика как целостная наука? Или это все-таки набор неких не слишком связанных между собой теорий, которые по-разному объясняют отдельные аспекты экономической жизни?

С.В. Если говорить о мейнстриме, то это набор теорий. Мейнстрим – течение, в которое вы входите или в которое вы не входите. Кроме того, в нем доминирует англо-саксонское направление. Однако если вы обратитесь к западноевро-

пейским экономическим школам, то увидите, что некоторые из них вступают в противоречие с мейнстримом. Их представители, например, пишут о возрастающей роли государства. Но поскольку в мейнстрим они не входят, то не являются своими, а потому не воспринимаются всерьез. Все как у нас в добрые советские времена!

О.Д. Но ведь есть теория предельной полезности, она существует? Закон предельной полезности – есть или нет?

С.В. Есть.

О.Д. Но это же радикально отличается от Маркса?

С.В. Теория предельной полезности описывает частный случай. Чем больше у вас товаров, тем ниже полезность каждого; чем меньше товаров, тем она выше. Но все это есть и в марксизме – цена товара определяется соотношением спроса и предложения. Чем больше товаров предложено, тем меньше цена единицы товара. А какова эта цена, если количество товаров *равно* спросу на них? Теория предельной полезности на этот вопрос не отвечает. Марксизм, да и не только он, такой ответ дает.

Отрицание марксизма – это отражение общей негативной тенденции. Практически по всем направлениям отмечается деградация отечественных научных школ. А это не могло не снизить уровень подготовки не только в ВУЗах, но и в средней школе. Два примера из областей, которые мне близки.

В мире разворачиваются исследования по устойчивому развитию. Во многих университетах преподают соответствующие дисциплины. В 2012 г. прошла конференция ООН по устойчиво-

му развитию. Хотелось бы напомнить, что в СССР с 70-х годов проблематика окружающей среды была у всех на слуху (у меня библиотека забита серьезнейшими отечественными публикациями по этой теме). В ее изучении участвовали не только экономисты, но и философы, историки, биологи, физики, а наши специалисты выступали на международных форумах с базовыми сообщениями. Велось преподавание, в том числе и в некоторых школах. А сегодня общество пытаются убедить, что проблема перехода к устойчивому развитию это новое слово в науке и практике. Поскольку моя кандидатская и отчасти докторская диссертации посвящены проблематике окружающей среды, готов опровергнуть это утверждение. Много из того, что выдается за «ноу хау», многократно писано и переписано еще во времена СССР. Например, о необходимости перехода к экономическим отношениям, при которых экологический фактор будет играть ключевую роль, в связи с чем, например, развивалось такое научное направление, как экология человека. Обосновывалась необходимость разработки и внедрения критериев оценки эффективности развития, учитывающих экологическую составляющую экономического роста. Разрабатывались механизмы перехода к практике рационального природопользования. Свои наборы критериев результативности такого перехода предлагали в ЦЭМИ АН СССР, в МГУ, ученые Новосибирского академгородка и др. Строились математические модели, разработке которых подхлестнули «Пределы роста» Медоуза. Развивалась теория ноосферы академика Вернадского.

Второй пример – проблематика развития народонаселения. Наши ученые исследовали качественные характеристики и проблемы развития народонаселения. Изучали экономику и географию народонаселения. При Центре народонаселения МГУ успешно работали Курсы ООН для слушателей из развивающихся стран. Согласитесь, это было признание уровня. Дочка одного преподавателя Центра, отправившего ее обучаться в Европу, проинформировала его в телефонном разговоре, что все, чему ее «здесь» учат, она учила в МГУ.

Сегодня в России серьезных исследований по народонаселенческой проблематике практически не проводится. Думаю, хватит пальцев рук, чтобы пересчитать вузы, готовящие демографов (не путать с демографической статистикой). Но как можно развивать экономику, не имея представления о качестве трудовых ресурсов? При ответе на этот вопрос мантры о рыночном характере российской экономики не работают: «провалы» рынка никто не отменял, а образование относится как раз к тем сферам, где они наиболее впечатляющи. В мире это понимают. Мы с Вами это понимаем. Все это понимают. Но почему нет государственного заказа на подготовку специалистов этого профиля?

Возвращаясь в системе образования, скажу, что произошедшее с высшей школой – национальная трагедия. Выход из ситуации один: возврат науки в образование. Сделать это предельно сложно. Когда профессуру вынудили работать в 20 местах, чтобы прокормить семью, наукой она заниматься не могла.

О.Д. Сейчас примерно то же продолжается.

С.В. Сейчас несколько лучше. Например, в РЭУ¹ пошла молодежь. Меньше, чем хотелось бы, но идет. Но это итог применения индикативного планирования в отдельно взятом университете, а не в стране в целом. В университете выделяются внебюджетные средства на внутренние гранты, к участию в которых привлекаются и студенты, и аспиранты. Но в большинстве своем студенты ориентированы на работу в финансовых структурах, ведь на 30 тысяч в Москве не проживешь.

О.Д. В регионах зарплата такая, на которую тоже не проживешь.

С.В. Согласен. Причем, экономят не только на ней. Дети сегодня умные. Они лучше нас понимают, что, если не знаешь практики, на хорошую работу не устроишься. Поэтому требуют от вузовских программ получения практических навыков. А с этим беда, в том числе по причине отсутствия средств на полевые исследования. В итоге научные проекты часто не могут насытить образовательный процесс знаниями экономических реалий.

О.Д. Скажите, пожалуйста, как Вы считаете, существует ли какая-то корреляция между уровнем развития экономической науки и уровнем развития экономики в стране?

С.В. Чем богаче страна, тем больше средств она может выделить на науку, образование, здравоохранение. Но это в абсолютных значениях. В жизни же все зависит от понимания руководством страны, что главное условие экономического роста в III тысячелетии – это развитие науки и об-

¹ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

разования. Но бюрократия часто не склонна прислушиваться к экспертам.

О.Д. Это только у нас или это общий принцип?

С.В. Думаю, довольно распространенный.

О.Д. Рейгономика – это же как раз влияние науки, с Рейганом пришла команда экономистов.

С.В. Да, к ним прислушивались! Но и в нелюбимом многими Советском Союзе разрабатывалась с участием академических институтов «Комплексная программа научно-технического прогресса».

О.Д. А что было в программе?

С.В. В ней определялись параметры и приоритеты научно-технической политики страны на 20 лет. Программа состояла из нескольких томов и, если мне не изменяет память, в первом томе рассматривались макроэкономические параметры развития. А что мы имеем сегодня? И Президент, и Премьер говорят об опасности увеличивающегося разрыва в уровнях социально-экономического развития субъектов РФ. А Минэкономики ликвидирует Совет по изучению производительных сил, – Институт, созданный еще в 1915 г. академиком Вернадским для выработки схем рационального размещения производительных сил Российской империи. Парадокс в том, что Институт подчинялся не только Министерству экономики, но и РАН. Вопрос: насколько справедливо в бедах науки винить только правительственных чиновников? Может быть, следует поглядеть в зеркало? Справедливости ради скажу, что СОПС в последние годы хирел. Но зачем ликвидировать, когда можно усилить команду?

О.Д. А если от науки перейти к образованию, то как Вы оцениваете ситуацию?

С.В. Несколько лет назад я был в одной области, где мне с гордостью сказали, что в региональном университете учатся 14 тысяч человек. Я поинтересовался специальностями, – там чего только не было: и политологи, и социологи, и экономисты, в общем, представлен почти весь спектр общественных дисциплин. Я задал вопрос: а ребята в регионе находят работу? Ответ был отрицательный. В Москве ситуация аналогичная. Для абитуриентов получение диплома первично, получение знаний – вторично. А ведь учатся многие на деньги федерального бюджета, формируемого и из наших с вами налоговых отчислений. Такая ситуация не могла не вызвать адекватную реакцию. Например, начата ликвидация вузов, которые просто торговали дипломами. Ведется поиск механизмов приближения качества образования к потребностям практики.

О.Д. Это еще вопрос социализации.

С.В. Да, но не всегда. Перейдя из Института экономики в РЭУ, я столкнулся с фактами, о которых даже помыслить не мог: филиалы вуза, присоединяемого на тот момент к РЭУ, раньше были техникумами, которым «присвоили звание» высшего учебного заведения. Это не социализация, а люмпенизация. А ведь такие люмпены пошли руководить предприятиями и даже преподавать. Далее. Лет 15 назад начался процесс массового перевода вузов в университеты. Но университет дает образование особого качества. Его гарантировал, например, экономический факультет МГУ, который я заканчивал. Гарантировал потому, что там все заведующие кафедрами

ми были признанными научными лидерами. И еще одно. Вы, не купивший диплом и сам написавший свои диссертации, прекрасно понимаете, что к занятию наукой надо иметь генетическое предрасположение. Читать книжки и выписывать из них цитаты и цифры – не значит заниматься наукой.

О.Д. Нас учили ссылаться на авторов.

С.В. Надо еще понимать то, на что ссылаешься. Теперь о проблеме, на которую мало кто обращает внимание. Перед переходом в Институт экономики я 10 лет преподавал в вузе. За это время написал приличное число статей и даже опубликовал монографию (небольшую) в издательстве «Экономика», поэтому считал себя вполне состоявшимся ученым. Но когда перешел в Академию, понял, что академический анализ предполагает иной подход. Будучи преподавателем, я прочитывал материал, ориентируясь на то, как его буду подавать студентам. Я понимал то, что читаю, о чем пишу, но это был взгляд преподавателя. Мне пришлось переламять в себе преподавательский подход к анализу. И диссертацию я написал лет через 5-6, перелопатив текст, с которым пришел в Институт экономики. Замысел остался прежним, но подача, аргументация стали иными. Поэтому преподавателей в академических исследователей не превратишь, и не надо этого делать. Можно быть фантастическим преподавателем, но никаким исследователем, и наоборот. Так всегда было и так всегда будет.

О.Д. Сейчас каленым железом проводится идея перевода науки из Академии в университеты. Якобы по западным образцам. Каково Ваше отношение к этому процессу?

С.В. Отрицательное. Нужно видеть и решать другую задачу – преодоление оторванности Академии наук от высшей школы. В РЭУ мы договорились об интеграции с Институтом социологии, с Институтом экономики, с ЦЭМИ. Надеюсь, их специалисты привнесут в образовательный процесс навыки академического анализа, а кафедры РЭУ, с помощью сотрудников РАН, будут готовить для этих институтов научный резерв.

О.Д. Еще один вопрос. У нас появилась куча курсов, всяких MBA, готовят бизнес-администраторов и так далее. Но при этом, по моему ощущению, они никакого представления не имеют о том, в какой стране они живут. И этот вопрос прямо связан с тем, что вы говорили про изучение производительных сил.

С.В. Вы, скорее, говорите не о MBA, а о всей системе образования. Уверен, если не начитает студенту общетеоретический курс, бессмысленно обучать его практике. Точнее, можно, но мы получим плохого практика. Но вот потом студента нужно накачивать практическими знаниями. Хорошие западные университеты славятся именно этим. Если читается лекция, то обязательно с практическими примерами; если выпускается учебник, то обязательно с задачами из практики.

О.Д. Как вы считаете, для университетов введение бакалавриата имеет хоть какой-то смысл? Ведь это исключает хорошую теоретическую подготовку?

С.В. Ну, мне понятен замысел.

О.Д. Это удешевление образования?

С.В. Это удешевление, но в ущерб качеству. И ничего нового такой подход не содержит. Еще во времена, когда мы с вами учились, существовало полное и не-

полное (три курса) высшее образование. Но большинство училось 5 лет. Бакалавриат – это то же неполное высшее образование.

О.Д. Тогда уходили, просто получая справку о неполном высшем.

С.В. Ну и что? Я неоднократно разговаривал с рядом руководителей компаний по этому вопросу, и практически всегда получал один ответ: те, кто учился 4 года, не нужны. В малом бизнесе, возможно. Хотя и он бывает разный. Бакалавр, конечно, не недоучка. Он получает некий набор знаний, но набор, ограничивающий перспективы его карьерного роста. У того, кто закончил магистратуру, иные перспективы. У аспирантов они еще лучше. Года два назад я разговаривал с одним своим бывшим аспирантом и спросил его, какой-то толк от того, что он написал кандидатскую, если в науку не собирается? Он ответил: «Когда в фирме возникает проблема, требующая системного взгляда, решать ее поручают мне, и это потому, что работа над диссертацией научила системно мыслить».

О.Д. Сейчас идет много разговоров о том, что у нас слишком много экономистов и юристов. Я думаю, что все упирается в качество образования. Но если мы берем спрос и предложение, то люди же не случайно пошли в экономисты и юристы?

С.В. Не случайно – у них оклад больший, чем у инженера. Поднимут оклады инженерам, и все пойдут в технические вузы. Но о каких экономистах и юристах идет речь? Сегодня только ленивый не выдает такие дипломы. Не от хорошей жизни – вузам нужно зарабатывать. Но понимание не отменяет того, что такие специалисты профнепригодны.

О.Д. Но министерство же утверждало эти статусы, видя и торговлю дипломами, и несоответствие, а сейчас само же пинает?

С.В. Да, утверждало. Я так понимаю подоплеку подобного решения: в условиях рынка абитуриенты захотят учиться там, где можно получить качественное образование, где будет собрана лучшая профессура. Это на взгляд кабинетного ученого. Но любому, кто хоть немного разбирается в законах рынка, понятно: чтобы получать доход, не нужно привлекать лучших профессоров. Достаточно иметь бесконтрольную возможность торговать дипломами. Ну и чем наши либералы лучше вульгарных марксистов? И почему кто-то сокрушается, что наиболее талантливые граждане стремятся уехать учиться и работать за границей? Кстати, мне сейчас пришла в голову мысль: масштабы оттока кадров из России сравнимы с масштабами белой эмиграции.

О.Д. А возможно ли в современной ситуации какое-то нормальное взаимодействие экономистов и правительства? Например, в системе образования в принципе нет никакого взаимодействия, министерство принимает решения и проводит их, совершенно не считаясь с мнением тех, кто работает в этой системе.

С.В. Я думаю, Вы не вполне правы. Многие представители нашего либерального течения являются консультантами Правительства. Оно периодически заслушивает и других экспертов, но прислушивается к названной группе. Это не плохо, поскольку различные экономические ситуации требуют использования разных наборов экономических инструментов. При кризисе одни, при подъеме другие. У нас эту истину забывают. Например, в

очередной раз обсуждается вопрос о повышении роли государства в экономике. Но она и так велика, если вспомнить, какую роль играют государственные корпорации и каково финансирование из федерального бюджета государственных программ и проектов. Думаю, нужно говорить не о повышении, а об *изменении* этой роли, как это произошло в экономике всех развитых стран к концу XX века. Произошло это вынужденно, вследствие перехода к качественно новому уровню обобществления и накопления капитала (по Марксу). Поэтому, пересматривая роль государства, нужно переходить к практике стратегического планирования и к индикативному планированию. Но проблема в том, что у нас более двух десятилетий не готовят таких специалистов! Та же Плехановка всегда была поставщиком кадров для системы государственного управления. Поэтому миссия РЭУ сегодня – вспомнить прошлое, но на ином качественном уровне.

О.Д. Как можно охарактеризовать ту политическую систему, в которой мы сейчас живем? Мы действительно перешли от социализма к капитализму?

С.В. А зачем нам к нему переходить? Капитализм – это свободная конкуренция, высокий уровень безработицы, эксплуатация наемных работников, обнищание населения и пр. Теперь оторвемся от учебника и проанализируем ситуацию в любой развитой стране. Свободная конкуренция присутствует только в малом бизнесе, который в целом подчинен крупным компаниям. Эксплуатация присутствует, но в странном виде: наемные работники участвуют в управлении производством и владеют акциями пред-

приятий, активно работают профсоюзы. Увеличивается средний класс. В каждой стране государством определен предельный уровень безработицы, который не рекомендуется превышать. Абсолютного обнищания населения не наблюдается. Конечно, те, кто владеет собственностью, получает в разы больше тех, кто ею не владеет. Это капитализм? Скорее, что-то иное. И если мы хотим войти в число таких стран, формировать следует это *иное*, а не общество времен К. Маркса и Ф. Энгельса и даже Кейнса.

О.Д. Но в Европе же, в Испании – там чудовищная ситуация с безработицей у молодежи.

С.В. В условиях кризиса безработица растет, но в развитых странах существует система социальных гарантий, которую, кстати, Маркс не рассматривал. Он много чего не рассматривал, капитализм же в его времена был «диким». Но в XX веке произошла научно-техническая революция, одним из результатов которой и стал новый уровень обобществления и, как результат, новое общество.

О.Д. Это смешение элементов социализма и капитализма?

С.В. По моему мнению, назвать его капиталистическим нельзя. Есть много терминов: «информационное общество», «экономика инноваций» и пр. Но что оно собой представляет, ни одна теория пока не объяснила. Доля человеческого капитала совершенно очевидно возрастает в национальном богатстве развитых стран: чем умнее общество, тем страна богаче. А что у нас? В России источником богатства элиты является не создание новых производств, внедрение новых технологий и пр. С начала рыноч-

ных реформ богатство формировалось вследствие присвоения бывшей «общенародной собственности». То есть источник богатства – передел собственности, а не ее приращение. Отобрал у конкурента собственность – стал богаче; отобрали у тебя – стал беднее.

Но есть и иные примеры. В Институте экономики было малое предприятие, арендовавшее в начале своей деятельности одну комнату. Через несколько лет оно арендовало уже половину этажа. Ребята производили пельмени; у них была стоянка для автомобилей, фирма, оказывающая охранные услуги; они какие-то новые технологии начали внедрять. Чем только не занимались! Но начали с малого. К сожалению, кризис 2008 г. их положил. Но будущее за такими эффективными собственниками. Или у России нет будущего.

О.Д. А каковы перспективы экономики как науки?

С.В. Экономическая наука исчезнет вместе с человечеством. А вот ответа на вопрос, когда в России появятся экономисты, которые предложат модель, позволяющую вытащить страну из нынешней ситуации, пока нет.

О.Д. Которые будут действительно понимать ситуацию.

С.В. Такие есть, причем очень толковые молодые люди. Они работают в фирмах, поэтому прекрасно понимают, что мешает экономике развиваться. Но им не дают хода эксперты, которые начали в 90-е годы реализовывать либеральную модель и которые не могут переориентироваться на новые реалии. Для выработки стратегии развития российской экономики нужны другие мозги.

О.Д. Но теории всегда вымирают вместе с носителями. В данном случае сложилась традиция, и ее поломать очень сложно.

С.В. Традиции приходят и уходят.

О.Д. Я провожу регулярно круглые столы в своем журнале. На одном из них выступил экономист, который сказал, что сейчас главная проблема в экономике – это неотрегулированность юридических отношений.

С.В. Беда в том, что юристы полезли в экономику, а экономисты в право. Экономист должен понимать, что закон не действует просто так, автоматически. Существует правовое поле, которое долго формируется и которое нельзя произвольно менять. А правовед должен понимать, что нормы права действенны, когда адекватны социально-экономическим реалиям. Например, в свое время был принят закон о местном самоуправлении. Экономисты говорили – он не будет работать, потому что нет денег для такого количества муниципалитетов; нет кадров, способных новыми муниципалитетами управлять. Но закон приняли. Мы оказались правы. И в том виде, в котором он действует после многочисленных поправок сегодня – это уже другой закон.

Еще одна проблема, которая является одной из причин провала многих разумных начинаний – отсутствие экспертизы правовых актов экономистами. Право не всегда должно следовать за экономикой, иногда его нормы могут работать на упреждение. Но общество и экономика должны быть к этому готовы. Пример – переход на новую марку бензина в Европе. Законом было определено, что к конкретному году выпускаемые в Европе автомобили должны

выбрасывать СО не больше установленного уровня. В итоге произошла инновационная модернизация автомобилестроения в целом. И контроль за этим осуществляло государство.

О.Д. То, что Вы говорите о взаимодействии экономики и права, очень важно, и хорошо, что Вы эту тему затронули. Но я задал вопрос о другом – о независимости суда, без чего невозможно нормальное развитие экономики.

С.В. Занимаясь федеративными отношениями, я, естественно, занимался изучением опыта других стран. И, конечно, меня интересовал опыт США. И вот что интересно: до начала XX века в США были не только коррумпированные судьи и шерифы, но и коррумпированные губернаторы и даже некоторые президенты.

О.Д. Если я правильно понимаю, то вы считаете, что сейчас некий переходный период.

С.В. Да. Надеюсь, что конец Смутного времени приближается. Сорок лет Моисей водил свое племя, пока не появилось новое поколение. Над нами с Вами все равно довлеют генетические страхи сталинской эпохи, которые были в родителях, в дедах. Никуда от этого не денешься. Новое поколение свободно от этого. И, как показывает мой опыт общения со студентами, большинство скептически относится к реализуемой модели развития экономики. Опасно то, что с такой позицией, но без хороших знаний, они могут ринуться в какую-нибудь псевдомарксистскую авантюру. Я категорически против свободы любой ценой. Ее Россия уже получала дважды, в 1917 году и в 1990-е годы.

О.Д. А вот насколько псевдо? Революция началась в полном противоречии

с марксизмом. По идее, она должна была произойти в наиболее развитом капиталистическом обществе, а Россия таковой не была. Почему возникло учение об отдельно взятой стране? У нас в крестьянской стране происходит рабочая революция.

С.В. Революция не могла не произойти. Николай II был, наверное, хорошим человеком и семьянином, но отвратительным государственным деятелем. Керенский был, наверное, хорошим адвокатом, но проболтал власть. Интеллигенция «серебряного века» была блестяще образована, но спутала жизнь с театральными подмостками. Поэтому правильнее было бы сказать, что большевики не захватили власть, а, будучи наиболее активными и беспринципными, ее подобрали.

О.Д. Да, я тоже могу массу аргументов привести в пользу того, что вы сказали. Но все-таки, что такое псевдомарксизм, каковы основные его черты?

С.В. Его базовый тезис – все определяют экономические интересы. Ф. Энгельс писал, что если кто-то считает, что они с Марксом ставят во главу угла общественного развития экономические отношения, то он ничего в марксизме не понимает. Второе: Маркс рассматривал революцию как способ смены системы общественных отношений, но только применительно к развитым (по тем временам) странам Европы, т. е. к тем, где имел место достаточный для этого уровень обобществления. О странах Азии или о России и речи не шло. Третье: главная характеристика коммунизма в Манифесте коммунистической партии – «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Но чтобы она стала

реальностью, общество равных должно быть богатым, а псевдомарксисты исповедовали равенство в бедности. Четвертое: еще один марксистский принцип – каждому по труду. А в СССР и социалистическом лагере господствовала уравниловка и, как результат, повсеместное отсутствие заинтересованности в результатах своего труда. Марксизм (повторюсь) базируется на том, что смену общественно-экономической формации провоцирует определенный уровень обобществления. Псевдомарксисты подменили ее национализацией. И это несмотря на то, что, если мне память не изменяет, уже в 1918 году Ленин писал, что в стране нанационализировали собственности столько, что не в состоянии ею управлять.

То же самое произошло в 1990-е годы. Обществу пообещали скачок в капитализм, продемонстрировав тем самым характерный для псевдомарксизма уровень экономической культуры.

О.Д. Но Гайдар же занимался как раз вот этой историей, переходом...

С.В. Е.Т. Гайдар был сильным теоретиком. Он обладал «легким» пером. Но

его судьба в очередной раз подтвердила истину, что ученый не должен быть во власти. Его удел – писать, думать, прогнозировать. Хороший ученый не может быть хорошим администратором, хороший администратор никогда не будет хорошим ученым. Я не знаю случаев, когда было бы по-другому. Если только С.П. Королев.

О.Д. Тогда получается, что академики не могут, не должны быть директорами институтов?

С.В. Академик – не просто директор, это научный лидер. Он организатор науки. Он должен генерировать, отбирать и продвигать хорошие идеи, это его административная задача. Но отделить науку от котлет невозможно. Поэтому академики-директора вынуждены отвлекаться от науки в пользу хозяйственной деятельности. Но они продолжают вариться в научном бульоне, и это их спасает.

О.Д. Спасибо большое. Очень Вам благодарен за интервью.

INTERVIEW ABOUT ECONOMICS, MARXISM AND EDUCATION

S.D. Valentey

Plekhanov Russian University
of Economics,
Moscow, Russian Federation

svalentey@ya.ru

In the interview Professor S. D. Valentey talks about the importance of Marxism as a major scientific path in economics, and about the loss of our Marxist school and about related to this loss issues in economic science and economic education. The specifics of Russian capitalism is characterized. Interview also touches the issue of the pseudo-education and purchase of diplomas. The necessity of coming to office a new generation of economists, free from neo-liberal and other clichés is emphasized.

Keywords: economic education, economics as science and practice, human capital, Marxism, Pseudo-Marxism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-161-173